

ПАУЛО КОЭЛЪО

ПЯТАЯ ГОРА

СОУЗИС

«Пятая Гора» повествует о 23-летнем Илии-пророке, жившем в IX веке до н. э.

Под угрозой казни Илия вынужден покинуть родную страну. Он находит прибежище в прекрасном древнем городе Акбаре, у молодой вдовы и ее сына. Илии мучительно трудно сохранять свою святость в мире, истерзанном тиранией и войнами, а тут еще приходится выбирать между впервые открывшейся ему любовью и глубоким чувством долга...

Живописуя драматические приключения в ярком и хаотическом мире Ближнего Востока, Пауло Коэльо превращает рассказ о пророке Илие в необычайно трогательную поэму об испытании человеческой веры.

Пауло Коэльо

Пятая гора

Посвящается А. М., воину света, и Мауро Саллешу

Предисловие автора

Главная мысль моей книги «Алхимик» заключена в фразе, которую, обращаясь к пастуху Сантьяго, произносит царь Мельхиседек: «Когда ты чего-нибудь желаешь очень сильно, вся Вселенная помогает тебе достигнуть этого». Я верю в это всем сердцем. Между тем прожить жизнь и добиться воплощения своей судьбы означает пройти целый ряд этапов, смысл которых нередко недоступен нашему пониманию.

Цель этих этапов — каждый раз возвращать нас на путь нашей Судьбы, или же преподнести нам уроки, которые помогают осуществить свое предназначение. Думаю, что смогу лучше проиллюстрировать эти слова, рассказав один эпизод из своей жизни. 12 августа 1979 года я лег спать, зная в точности одно: к тридцати годам я достиг пика своей карьеры. Я работал художественным директором студии CBS в Бразилии. Недавно меня пригласили в США на встречу с владельцами компании, занимающейся звукозаписью. Я был уверен, что мне предоставят полную свободу для осуществления всех моих планов. Конечно, моя заветная мечта — стать писателем — отодвигалась в сторону, но какое это имеет значение? В конце концов, реальная жизнь совсем не похожа на ту, какой я ее себе представлял. В Бразилии нельзя прожить, занимаясь только литературой.

В ту ночь я окончательно решил отказаться от своей мечты — нужно было так или иначе приспособиваться к жизни. Если моя душа будет противиться этому, я попытаюсь схитрить: время от времени буду сочинять слова к музыке или писать статейки для какой-нибудь газеты. В остальном же я был убежден, что, хотя моя жизнь пошла по-другому пути, она не стала менее интересной, и в мире музыки меня ожидало блестящее будущее.

Как только я проснулся, раздался телефонный звонок: это был президент компании. Из его слов стало ясно, что меня только что уволили без всяких объяснений. В течение последующих двух лет я стучался в разные двери, но так и не смог получить работу в этой области. Завершая работу над «Пятой горой», я вспомнил и этот случай, и другие проявления неизбежного в моей жизни. Всякий раз, когда мне казалось, будто я достиг вершины, что-нибудь случалось — и я летел вниз. Я спрашивал себя: почему так происходит? Неужели я осужден вечно приближаться к заветной черте, но никогда не достичь ее? Неужели Бог так жесток, что посылает мне мираж — оазис на горизонте — только лишь для того, чтобы я умер от жажды посреди пустыни?

Мне понадобилось много времени, дабы понять, что это не так. Одни события происходят в нашей жизни для того, чтобы вернуть нас на истинный путь Судьбы. Другие нужны для того, чтобы мы применили в жизни свои познания. А некоторые события призваны научить нас.

В книге «Паломничество» я хотел показать, что эти уроки не всегда связаны с болью и страданием. Достаточно отнестись к ним серьезно и внимательно. Понимание этого стало истинным благословением на моем жизненном пути. Но я так и не смог до конца понять смысл некоторых событий моей жизни, хотя был достаточно собранным и внимательным. Случай, описанный выше, можно считать одним из таких примеров. Я был настоящим профессионалом, вкладывал в работу всю свою душу. Некоторые свои идеи я до сих пор нахожу довольно удачными. Но неизбежное случилось именно в тот момент, когда я был спокоен и уверен в себе как никогда. Думаю, многие люди пережили нечто подобное. Неизбежное коснулось жизни каждого человека на Земле. Одни выстояли, другие отступились, но каждый пережил свою трагедию.

Зачем? Чтобы ответить себе на этот вопрос, я отправился вместе с Илией в Акбар.

"И сказал: истинно говорю вам; никакой пророк не принимается в своем отечестве. Поистине говорю вам: много вдов было в Израиле во дни Илии, когда заключено было небо три года и шесть месяцев, так что сделался большой голод по всей земле, и ни к одной из них не был послан Илия, а только ко вдове в Сарепту Сидонскую».

От Луки, 4: 24 — 26

К началу 870 г. до н. э. государство Финикия — израильяне называли его Ливан — уже три столетия жило в мире. Финикия не обладала особым политическим влиянием, и, чтобы выжить на земле, сотрясаемой бесконечными войнами, ее жителям пришлось развивать торговлю, в чем они немало преуспели. Финикийцы были вправе гордиться своими достижениями. Союз с израильским царем Соломоном, заключенный около 1000 г. до н. э., позволил им создать более современный флот и расширить торговлю. С тех пор Финикия продолжала успешно развиваться. К этому времени финикийские мореплаватели достигли берегов Испании и Атлантического океана. Существуют теории, пока не подтвержденные наукой, о том, что финикийцы побывали даже на северо-востоке и юге Бразилии. Они перевозили на кораблях стекло, кедровую древесину, оружие, железо и слоновую кость. Жители крупных городов, таких, как Сидон, Тир и Библос, были знакомы с числами, астрономией, виноделием и уже почти двести лет пользовались набором письменных знаков, который греки называли «алфавит». В начале 870 г. до н. э. в далеком городе Ниневия собрался военный совет. Ассирийские военачальники решили отправить свои войска на завоевание стран побережья Средиземного моря. Первой страной, которую они избрали для вторжения, стала Финикия.

В начале 870 г. до н. э. в израильском городе Галааде двое мужчин, прячась в конюшне, с минуты на минуту ожидали смерти.

Часть первая

Я служил Богу, а он оставляет меня сейчас в руках врагов моих, — сказал Илия.

— Бог есть Бог, — ответил левит. — Не сказал Он Моисею, благ Он или не благ; сказал лишь: «Я есмь». Значит, Он есть все, что существует под Солнцем — и молния, разрушающая Дом, и рука человека, строящего его заново. Беседа была единственным способом отогнать страх; в любой момент в конюшню, где они находились, могли ворваться воины, обнаружить их и поставить перед выбором: поклониться Ваалу — финикийскому богу — или пойти на казнь. Воины обыскивали каждый дом, обращая пророков в свою веру или убивая их.

Возможно, левит обратится в другую веру и избежит смерти. Но у Илии выбора не было — все происходило по его вине, и Иезавель во что бы то ни стало хотела получить его голову.

— Ангел Господень велел мне пойти к царю Ахаву и предупредить его, что не будет дождя, пока в Израиле поклоняются Ваалу, — сказал он, словно оправдываясь в том, что услышал голос ангела. — Но Господь вершит дела Свои неспешно; к тому времени, когда засуха сделает свое дело, царица Иезавель истребит всех, кто хранил верность Господу.

Левит ничего не сказал. Он размышлял о том, что ему делать: поклониться Ваалу или умереть во имя Бога. — Кто есть Бог? — продолжал Илия. — Не Он ли поддерживает меч воина, казнящего тех, кто не предаёт веру наших отцов? Не Он ли посадил на трон иноземную царицу, чтобы на нас обрушились все эти несчастья? Разве не Бог убивает верных себе, невинных, следующих закону Моисея? Левит принял решение — он предпочёл умереть. Он засмеялся, потому что мысль о смерти больше его не страшила. Повернувшись лицом к юному пророку, он попытался успокоить его.

— Спроси у Самого Бога, раз ты сомневаешься в Его решениях, — сказал он. — Я уже смирился со своей участью. — Не может Бог желать, чтобы нас безжалостно убили! — настаивал Илия.

— Бог может все. Если бы Он творил только то, что мы зовём Добром, не могли бы мы назвать Его Всемогущим; Он царил бы только в одной части Вселенной, а некто, более могущественный, чем Он, следил бы за Его делами и судил их. В таком случае я бы стал поклоняться Тому, кто могущественнее.

— Если Он может все, почему не оберегает от страданий тех, кто Его любит? Почему не спасает нас, а врагам Своим даёт власть и славу?

— Не знаю, — ответил левит. — Но причина есть, и я надеюсь скоро узнать ее.

— Ты не знаешь ответа.

— Не знаю.

Они погрузились в молчание. Илия чувствовал, как холодный пот струится между лопаток. — Ты напуган, а я уже смирился, со своей участью, — пояснил левит. — Вот выйду отсюда и покончу с этой мукой. Всякий раз, когда я слышу вопль на улице, я страдаю, представляя себе, каково мне будет, когда придет мой час. Пока мы сидели здесь взаперти, я уже сотни раз умер, а мог бы умереть всего однажды. Раз уж не сносить мне головы, пусть это случится как можно быстрее. Он был прав. Илия слышал те же крики, и ожидание неизбежной смерти уже стало невыносимым. — Я пойду с тобой. Я устал бороться за несколько лишних часов жизни.

Он поднялся, открыл дверь и впустил в конюшню лучи солнца, осветившие двух прячущихся там мужчин.

Левит взял его за руку, и они двинулись в путь. Если бы крики и вопли не нарушали тишину, этот день мог бы показаться обычным днем обычного города — не слишком палящее солнце,

приятный легкий ветерок с далекого океана, запыленные улицы, дома из глины и соломы. — Наши души охвачены страхом смерти, а день такой чудесный, — сказал левит. — Сколько раз, когда я чувствовал себя в ладу с Богом и миром, погода стояла ужасная! Ветер из пустыни засыпал песком мои глаза, и я ничего не видел в двух шагах от себя. Не всегда замысел Его согласуется с тем, что мы чувствуем; но я точно знаю, что у Него есть на все своя причина.

— Велика твоя вера!

Левит посмотрел на небо, будто размышляя о чем-то.

Затем обратился к Илие:

— Не стоит так уж удивляться, я сам с собой поспорил.

Поспорил, что Бог существует.

— Ты же пророк, — возразил Илия. — Ведь ты, как и я, слышишь голоса и знаешь, что есть другой мир кроме этого. — Может быть, это только мое воображение.

— Ты видел знаки Бога, — настаивал Илия, уже испытывая тревогу от слов своего спутника.

— Может быть, это только мое воображение, — повторил левит. — На самом деле мой спор с самим собой — все, что у меня есть. Я сам себя убеждаю, что все исходит от Всевышнего.

На улице было пустынно. Жители города, сидя в своих домах, выжидали, когда воины Ахава завершат дело, порученное им иноземной царевной: казнить пророков Израиля. Илия шел рядом с левитом и чувствовал, что из-за каждого окна, из-за каждой двери кто-то следит за ним — и винит его в происходящем.

— Не просил я об участии пророка. Наверное, все это плод моего воображения, — рассуждал Илия. Но после случившегося в плотницкой он знал, что это не так.

С детства он слышал голоса и разговаривал с ангелами. Как раз тогда его родители и решили обратиться к священнику. Задав мальчику множество вопросов, священник пришел к выводу, что он — пророк, «наби», «человек духа», «избранник Божий».

После долгой беседы с мальчиком священник сказал его родителям, что они должны серьезно относиться ко всему, что будет говорить их сын.

Выйдя от священника, родители потребовали, чтобы Илия никогда и никому больше не рассказывал о том, что видит или слышит. Пророку приходится иметь дело с правителями, а это всегда опасно.

Так или иначе, Илия никогда больше не слышал того, что могло заинтересовать священников или царей. Он разговаривал только со своим ангелом-хранителем и слушал советы, касающиеся его собственной жизни; время от времени у него были видения, которые ему никак не удавалось понять, — далекие океаны, горы, полные странных существ, круги с глазами и крыльями. Когда все заканчивалось, он, послушный своим родителям, старался как можно быстрее забыть видения. Поэтому голоса и видения стали посещать его все реже и реже. Родители были довольны и больше не заводили разговоров на эту тему. Илия достиг того возраста, когда уже сам должен был обеспечивать себе пропитание, и родители дали ему денег, чтобы он мог открыть маленькую плотницкую мастерскую.

Нередко Илия с почтением взирал на других пророков, проходивших по улицам Галаада в меховых одеждах, стянутых кожаными поясами. Они говорили, что Господь выделил их, чтобы они вели за собой избранный народ. Конечно, это была не его участь; он ни за что на свете не стал бы вызывать священный трепет плясками или самобичеванием, подобно другим «избранникам», — он боялся боли. Никогда в жизни не стал бы он ходить по улицам Галаада, гордо демонстрируя рубцы и раны от бичей, — он был слишком робок. Илия считал себя, да и был, обычным человеком. Он одевался как все остальные и терзал лишь свою душу — теми же страхами и соблазнами, что и обычные смертные. По мере того как он все лучше овладевал своим ремеслом, ему все реже слышались голоса; наконец они совсем оставили его — ведь у

взрослых, людей, занятых делом, на это нет времени. Его родители были довольны сыном, и жизнь текла мирно и безмятежно.

Со временем беседа священника с маленьким мальчиком превратилась в полузабытое воспоминание. Илия не мог поверить, что Всемогущему Богу нужно разговаривать с людьми, чтобы они чтити Его законы. То, что случалось с ним когда-то давно, и само его детство были лишь фантазией беззаботного мальчишки. В Галааде, его родном городе, жили люди, которых местные жители считали сумасшедшими. Они не могли и двух слов связать, и им не дано было отличить Божий глас от бреда безумца. Всю жизнь они проводили на улицах, предсказывая конец света и кормясь подаянием. Однако ни один из священников не считал их «избранниками Божьими». Со временем Илия пришел к выводу, что сами священники никогда не были уверены в том, что говорили. «Избранники Божьи» появлялись потому, что страна не знала своего пути, ее раздирали междоусобные войны, ежечасно сменялись правители. И не было различия между пророками и безумцами. Узнав о свадьбе царя Ахава и царицы тирской, Иезавели, Илия не придавал этому особого значения. Другие цари Израиля поступали так же, и вслед за тем на долгие годы в стране воцарялся мир, успешно шла торговля с Ливаном. Илию не очень трогало то, что жители соседней страны поклоняются несуществующим богам или исповедуют странные культы, подобные обожествлению животных и гор. Честная торговля — вот что было для него самое важное. Илия, как и прежде, покупал кедровое дерево из Ливана и продавал изготовленные в своей плотницкой мастерской товары. Хотя жители этой страны были несколько спесивы и сами себя любили называть «финикийцами» — из-за особенного цвета кожи, — ни один из ливанских торговцев никогда не пытался нажиться на смуте, царившей в Израиле. Они честно платили за товары и не вмешивались в междоусобицы и политические дела Израиля.

Взойдя на престол, Иезавель потребовала, чтобы Ахав заменил культ единого Бога культом богов Ливана. Такое случалось и прежде. Илия, хотя и был возмущен согласием Ахава, продолжал поклоняться Богу Израилеву и исполнять законы Моисея. «Это пройдет, — думал он. — Иезавель соблазнила Ахава, но не в ее силах убедить весь народ».

Иезавель была женщиной особенной; она верила, что послана богом Ваалом в этот мир для того, чтобы обращать народы и страны в свою веру. Хитрая и умеющая ждать, она стала одаривать всех, кто отступал от единого Бога. Ахав повелел построить капище Ваалу в Самарии, а внутри него поставил жертвенник. Началось паломничество, и повсюду стал распространяться культ богов Ливана. «Это пройдет. Одному поколению придется, наверное, потерпеть, но это пройдет», — как и прежде, думал Илия.

И вот случилось то, чего он не ждал. Однажды вечером, когда Илия почти закончил строгать столешницу, в мастерской вдруг потемнело, и тысячи белых звездочек заискрились кругом. Он почувствовал необыкновенную головную боль; хотел сесть, но не мог двинуть ни рукой, ни ногой. «Я умер, — подумал он в тот же миг. — И теперь мне ясно, куда посылает нас Господь после смерти — в центр небосвода».

Одна из звездочек засверкала ярче других, и вдруг как бы одновременно со всех сторон раздался голос. И было к нему слово Господне: скажи Ахаву, что жив Господь Бог Израилев, пред которым стоишь, в сии годы не будет ни росы, ни дождя, разве только по Моему слову. В следующий миг все стало как прежде — стены мастерской, вечерний свет, голоса детей, играющих на улице.

В ту ночь Илие не спалось. Впервые за много лет к нему вернулись ощущения детства; но говорил с ним не его ангел-хранитель, а кто-то более могущественный и сильный. Он испугался, что вся торговля его будет проклята, если он не выполнит свою задачу.

На следующее утро он решил исполнить то, что ему было велено. В конце концов, он всего

лишь посланник того, о ком ничего не знал; как только он выполнит то, что от него требуется, голоса перестанут его тревожить. Добиться встречи с царем Ахавом было нетрудно. Много лет назад, с тех пор, как на трон взошел царь Соломон, пророки приобрели особый вес в торговле и управлении страной. Они могли жениться, заводить детей, но всегда должны были находиться в распоряжении своего Господа, чтобы правители никогда не отклонялись от правильного пути. По традиции считалось, что именно благодаря «избранныкам Божиим» было одержано много побед в сражениях. И жив был Израиль только потому, что при правителях всегда были пророки, возвращавшие их на правильный путь, если они от него отклонялись. Илия пришел во дворец и предупредил царя о засухе, грозившей опустошить земли Израиля, покуда не будут изгнаны финикийские боги.

Государь не придавал особого значения его словам, а вот Иезавель, сидевшая рядом с Ахавом и внимательно слушавшая то, что говорил Илия, стала подробно его расспрашивать. Илия рассказал ей о видении, о боли в голове, о том, как, слушая ангела, почувствовал, что время остановилось. Описывая то, что с ним приключилось, он имел возможность получше разглядеть царицу, о которой все столько говорили. То была одна из самых прекрасных женщин, каких ему когда-либо доводилось видеть: длинные черные волосы до пояса, гибкий, стройный стан. Ее зеленые глаза, сверкавшие на смуглом лице, неотрывно смотрели в глаза Илии. Он не мог понять, что хотят сказать эти глаза, и уж точно не мог знать, какое воздействие оказывают его слова.

Он покинул дворец, уверенный в том, что исполнил свою миссию и теперь может вернуться к работе в мастерской. На обратном пути возжелал он Иезавель со всем пылом своих двадцати трех лет, и попросил Бога, чтобы повстречалась ему женщина из Ливана — они там так хороши! — такая же смуглолицая и с зелеными глазами, полными тайны.

Остаток дня он трудился в мастерской и ночью спал спокойно. На заре его разбудил левит. Иезавель сумела убедить царя в том, что пророки представляют опасность для дальнейшего процветания Израиля. Воинам Ахава было приказано казнить тех, кто не отречется от священного обета Богу.

Однако Илия не имел права выбора. Он должен был умереть.

Два дня Илия и левит провели, прячась в конюшне в южной части Галаада. За это время были казнены четыреста пятьдесят пророков. Но большинство пророков, которые раньше бичевали себя на улицах и предсказывали конец света, теперь согласились принять новую веру.

Резкий свист и последовавший за ним глухой звук падения прервал размышления Илии. Встревоженный, он обернулся к своему спутнику:

— Что с тобой?

Ответа он не услышал. Тело левита рухнуло на землю, пронзенное стрелой в самое сердце.

Перед ним стоял воин и снова натягивал тетиву. Илия посмотрел вокруг: дома с закрытыми дверями и окнами, яркое солнце в небе, легкий ветерок с океана. Он столько слышал об океане, а вот увидеть его теперь уже не доведется. Он хотел бежать, но знал, что стрела поразит его раньше, чем он достигнет ближайшего поворота.

"Если уж суждено мне погибнуть от стрелы, то пусть она поразит меня не в спину», — подумал Илия. Воин снова поднял лук. К своему удивлению, Илия не чувствовал ничего: ни страха, ни желания жить. Словно все было давно predetermined, и они оба — воин и он сам — играют роли в пьесе, написанной кем-то другим. Он вспомнил свое детство, дни и ночи в Галааде, незаконченную работу, которую он оставит в мастерской. Подумал об отце и матери, которые не хотели, чтобы их сын был пророком. Вспомнил глаза Иезавели и улыбку царя Ахава. Он подумал: как глупо умереть в двадцать три года, так и не познав любви женщины.

Рука натянула тетиву, стрела рассекла воздух, пронеслась, звеня, мимо правого уха Илии и

плашмя упала на пыльную землю позади него.

Воин наложил на тетиву новую стрелу и прицелился. Но вместо того чтобы пустить стрелу, он пристально посмотрел в глаза Илии.

— Я лучший стрелок из всех воинов Ахава, — сказал он. — За семь лет я не промахнулся ни разу. Илия обернулся и посмотрел на тело левита.

— Эта стрела предназначалась тебе.

Воин держал лук натянутым, но руки его дрожали. — Единственный пророк, который должен был умереть, — Илия. Другие могли выбрать веру в Ваала.

— Так заверши свой труд.

Его удивляло собственное спокойствие. Ночами в конюшне он столько раз представлял себе смерть, и теперь понимал, что не стоило так страдать. Через несколько секунд все будет кончено.

— Не могу, — сказал воин. Лук ходил ходуном в его трясущихся руках. — Уйди прочь с моих глаз. Видно, мои стрелы отвел Бог, и Он меня покарает, если я убью тебя. Чем яснее Илия осознавал, что может остаться в живых, тем больше им овладевал страх смерти. Где-то еще маячила надежда увидеть океан, встретить женщину, завести семью и закончить свою работу в мастерской. — Убей меня скорее, — сказал он. — Не заставляй меня долго страдать.

Воин посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, нет ли свидетелей этой сцены. Затем опустил лук, спрятал стрелу и исчез за поворотом.

Илиа почувствовал, как слабеют его ноги. На него с новой силой наваливался страх смерти. Надо было немедленно бежать, исчезнуть из Галаада, никогда не встречать на своем пути воина с натянутым луком. Он не выбирал свою судьбу и к Ахаву отправился не для того, чтобы похвастаться перед соседями, будто может разговаривать с самим царем. Не его вина, что пророков убили, тем более он не был виноват, что видел чудо, когда время остановилось, а мастерская осветилась искрящимися звездочками. Илиа тоже осмотрелся по сторонам — на улице было пустынно. Он хотел проверить, нельзя ли спасти жизнь левита, но тут на него вновь нахлынул страх, и он убежал прежде, чем кто-либо появился.

Он долго брел нехоженными тропами, пока не оказался на берегу небольшой реки Хораф. Ему было стыдно за свою трусость, но он радовался, что остался жив. Он выпил воды, сел на землю и только теперь понял, что его ждет: завтра нужно будет чем-то питаться, а в пустыне не найти пищи.

Он вспомнил свою мастерскую, работу, которую ему пришлось оставить. У него были друзья среди соседей, но он не мог на них рассчитывать. Слухи о его побеге, должно быть, уже распространились в городе, и все ненавидят его за то, что он бежал, обрекая истинных верующих на муки. Всему, чего он достиг, пришел конец, и только потому, что он решил исполнить волю Божию. Завтра и в последующие дни, недели и месяцы в его дверь будут стучать торговцы из Ливана, и кто-нибудь скажет им, что хозяин мастерской сбежал и что именно он в ответе за невинно пролитую кровь. Наверное, станут говорить и о том, что он пытался уничтожить богов-покровителей земли и небес. Вскоре об этом узнают и за пределами Израиля, и он навсегда распрощается с мечтой жениться на женщине, не уступающей по красоте ливанкам.

"Где-то есть корабли».

Да, где-то были корабли. Преступников, военнопленных, беглых обычно брали в матросы — ведь это более опасная профессия, чем воин. У воина всегда есть шанс остаться на войне живым. Моря же таят в себе много неизвестного, полны чудовищ. Когда происходит кораблекрушение, в живых не остается никто.

Корабли существуют, но принадлежат они финикийским торговцам. Илиа не был преступником, пленным или беглецом, он был человеком, посмевающим возвысить голос против

бога Ваала. Узнав об этом, финикийцы убьют его и бросят в море, ибо моряки верят, что Ваал и его боги покровительствуют штормам и бурям.

Он не мог отправиться к океану. Не мог идти на север, потому что там находится Ливан. Не мог идти на восток, где некие израильские племена уже два поколения ведут между собой войну.

Он вспомнил спокойствие, которое ощутил, стоя лицом к лицу с воином. В конце концов, что такое смерть? Смерть — это мгновение, и только. Даже если ты чувствуешь боль, она скоро пройдет, и тогда Господь примет тебя в Свое лоно. Он опустил на землю и долго смотрел в небо. Попробовал спорить с собой, как это делал левит. Это был спор не о существовании Бога — в этом у него не было сомнений, — а о смысле жизни.

Он видел горы и землю, которую скоро иссушит долгая засуха — так сказал ему ангел Господень. Земля еще хранила свежесть многолетних обильных дождей. Он видел реку Хораф, воды которой скоро обмелеют. Горячо и искренне он попрощался с миром и попросил Господа принять его, когда наступит время.

Он подумал о смысле своего существования и не получил ответа.

Подумал о том, в какую сторону ему нужно идти, и понял, что идти некуда.

На следующий день ему придется вернуться и сдаться, хотя при мысли об этом его снова охватил страх смерти. Он попытался утешить себя тем, что проживет еще несколько часов. Но это были крохи. В конце концов он понял, что почти не бывает таких дней в жизни, когда человек властен принимать решение.

На следующий день Илия проснулся и снова посмотрел на реку Хораф.

Завтра или через год от нее останется лишь дорога, покрытая мелким песком и круглыми камешками. Местные жители будут по-прежнему называть это место Хорафом и, показывая в ту сторону, где раньше протекала река, скажут: «Это недалеко отсюда, на берегу реки». Путешественники пойдут туда, увидят круглые камешки и мелкий песок и подумают про себя: «Когда-то здесь была река». Но воды — того единственного, что нужно реке, чтобы быть рекой и утолить их жажду, — там больше не будет.

Души людские, как и реки и растения, тоже нуждаются в дожде. Особом дожде — надежде, вере и смысле жизни. Если дождя нет, все в душе умирает, хотя тело еще живет. Люди могут сказать: «В этом теле когда-то жил человек». Не время размышлять об этом. Илия снова вспомнил разговор с левитом незадолго до того, как они ушли из конюшни. Какой смысл умирать столько раз, если достаточно одной смерти? Все, что ему нужно, — ждать воинов Иезавели. Они придут, нет ни малейшего сомнения, ведь путей бегства из Галаада не так много. Преступники всегда бежали в пустыню, где в считанные дни их настигала смерть, или в сторону реки Хораф, где их в конце концов удавалось схватить.

Скоро стражники будут здесь. И, увидев их, он обрадуется.

Он выпил прозрачной речной воды. Умыл лицо и сел в тени — дожидаться преследователей. Человек не может бороться со своей судьбой. Он пытался бороться и проиграл. Хотя священники признавали его пророком, он предпочитал трудиться в плотницкой. Но Господь снова вернул его на истинный путь.

Не он один пытался отступить от судьбы, уготованной Богом каждому человеку на земле. У него был друг, обладавший прекрасным голосом. Родители не позволили ему стать певцом, так как это занятие опозорило бы семью. В детстве у одной его подруги были редкие способности к танцам. Семья запретила ей танцевать, ведь ее мог взять к себе во дворец царь, а ведь никто не знал, как долго он будет на троне. И потом, считалось, что во дворце распущенные нравы, а это навсегда лишит ее возможности удачно выйти замуж.

"С самого рождения человек пытается обмануть свою судьбу».

Бог ставит перед нашими душами только непосильные задачи.

"Зачем?"»

Наверное, для того, чтобы хранить традиции.

Этот ответ неудачен.

"Жители Ливана потому и оставили нас позади, что смогли отказаться от традиций мореплавателей. Когда весь мир плавал на устаревших кораблях, ливанцы решили построить нечто новое. Многие заплатились за это жизнью, но зато их корабли стали намного лучше. Теперь они управляют торговлей во всем мире. Они заплатили высокую цену, чтобы добиться этого, но оно того стоило».

Наверное, человек обманывает судьбу потому, что Бог слишком далек от него. Он наполнил души людей мечтой о таких временах, когда все станет возможным, а Сам обратился к другим делам. Мир стал другим, жизнь стала еще тяжелее, а Господь так и не вернулся, чтобы изменить мечты людей. Господь далеко. Но если Он по-прежнему посылает ангелов, чтобы те разговаривали с Его пророками, значит, на земле еще осталось много дел. Итак, каков будет ответ? «Наверное, наши родители боятся, что мы повторим их ошибки. А может быть, сами они никогда не ошибались и поэтому не смогут помочь нам в трудную минуту». Он чувствовал, что вот-вот поймет что-то. Недалеко от него несла свои воды река, в небе парили вороны, растения упорно пробивались сквозь бесплодную песчаную почву. Если бы они прислушались к голосам предков, что те могли бы им сказать?

"Речка, найди лучшее место для своих прозрачных вод, где они смогут весело сверкать на солнце, — ибо скоро их высушит пустыня», — сказал бы бог воды, если существуют боги.

"Вороны, вы найдете себе больше пропитания в лесах, чем меж скал и песков», — сказал бы бог птиц. «Травы, бросайте свои семена подальше отсюда, ведь мир полон плодородной и влажной земли, и вы вырастете еще прекраснее», — сказал бы бог трав.

Но река Хораф, и травы, и вороны — один из них опустил рядом на ветку — не решались сделать то, чего не могли другие реки, птицы или травы. Илия внимательно посмотрел на ворона. — Кажется, я начинаю понимать, — сказал он птице. — Хотя пользы от этого мало, ведь я приговорен к смерти. — Видишь, как все просто, — казалось, ответил ворон. — Достаточно быть смелым.

Илия засмеялся, ведь он наделял речью ворона. Это была забавная игра, ей он научился у одной женщины, которая пекла хлеб. Он решил играть так и дальше. Он будет спрашивать и сам себе отвечать, словно настоящий мудрец. Ворон тем временем взмыл в небо. Илия снова погрузился в ожидание воинов Иезавели — ведь умереть достаточно один раз.

Прошел день, и не случилось ничего нового. Неужто в Галааде забыли, что еще жив главный враг бога Ваала? Почему его не преследует Иезавель, ведь она, конечно, знает, где он?

"Но ведь я видел ее глаза — она женщина мудрая, — сказал себе Илия. — Если я умру, то стану мучеником во имя Бога. А если меня назовут беглецом, то я останусь в памяти трусом, который сам не верил в то, что говорил». Да, таков был замысел царицы.

Незадолго до наступления ночи снова прилетел ворон — неужели тот самый? — и сел на ветку, где Илия уже видел его утром. Ворон держал в клюве небольшой кусок мяса. Вдруг он уронил его на землю.

Это было чудом для Илии. Он подбежал к дереву, схватил мясо и съел его. Он не знал, откуда взялся этот кусок, да и не хотел знать: важно было, что он немного утолил голод. Ворон, как ни странно, не улетел.

"Эта птица знает, что я умру здесь от голода, — подумал Илия. — Она подкармливает свою добычу, чтобы потом устроить себе настоящий пир». Вот и Иезавель — она тоже подкармливает веру в Ваала историей бегства Илии. Какое-то время они — человек и птица — смотрели не

мигая друг на друга. Илия снова вспомнил утреннюю игру. — Хотел бы я поговорить с тобой, ворон. Сегодня утром я думал о том, что душу необходимо питать. Если моя душа еще не умерла от голода, ей есть что сказать. Птица осталась неподвижной.

— Если ей есть что сказать, то я должен выслушать ее.

Ведь больше мне разговаривать не с кем, — продолжал Илия. Призвав на помощь все свое воображение, он обратился в ворона.

— Чего ждет от тебя Бог? — спросил он себя, как будто был вороном.

— Он ждет, что я стану пророком.

— Так сказали священники. Может быть, Господь хочет вовсе не этого.

— Нет, именно этого. Поэтому ангел явился в мастерскую и велел мне говорить с Ахавом. Голоса, которые я слышал в детстве...

— ...которые каждый слышит в детстве, — прервал его ворон.

— Но не каждый видит ангелов, — сказал Илия. На этот раз ворон ничего не ответил. Немного погодя птица или, вернее, душа Илии, бредившая от солнца и одиночества, прервала молчание.

— Помнишь женщину, которая пекла хлеб? — спросил он себя.

Илия помнил. Она пришла и попросила сделать для нее несколько подносов. Илия трудился над ее заказом, а она рассказывала ему о том, что ее труд — способ выразить присутствие Бога.

— Судя по тому, как ты трудишься, я вижу, что ты чувствуешь то же самое, — продолжала она. — Ведь ты улыбаешься, когда работаешь.

Женщина делила людей на тех, кто радуется жизни, и тех, кто вечно жалуется. Последние полагали, что смысл жизни заключается в проклятии, посланном Адаму Богом:

"Проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей». Они не получали радости от своего труда и скучали в священные дни, когда надо отдыхать. Они твердили слова Господа, как оправдание своей бессмысленной жизни, забывая, что Он также сказал Моисею: «И даст тебе Господь изобилие на земле, которую Он клялся отцам твоим дать тебе».

— Да, я помню эту женщину. Она была права — я любил свою работу в мастерской. Каждый стол, каждый стул, сделанный своими руками, помогал мне понимать и любить жизнь. Она поведала мне о том, что разговаривает с хлебом, когда печет его, и я с удивлением обнаружил, что столы и стулья могут отвечать, ведь я вкладываю в них всю душу, а взамен получаю мудрость.

— Если бы ты не был плотником, то не смог бы вкладывать душу в предметы, притворяться говорящим вороном и понимать, что ты лучше и умнее, чем сам думаешь, — был ответ. — Как раз в мастерской ты и осознал: благословенно все, что окружает тебя.

— Мне всегда нравилось воображать, что я разговариваю со столами и стульями, которые я мастерил, — только и всего. Женщина была права: разговаривая с ними, я обычно открывал для себя то, что никогда раньше не приходило мне в голову. Но, когда я стал понимать, что могу служить Богу своим трудом, явился ангел, и вот... ну, ты знаешь, чем все закончилось.

— Ангел явился, потому что ты был готов, — ответил ворон.

— Я был хорошим плотником.

— Это лишь часть твоего урока. Когда человек идет дорогой своей судьбы, ему не раз приходится менять направление. Порой внешние обстоятельства оказываются сильнее, и ему приходится уступать. Все это — часть урока. Илия внимательно слушал, что говорит его душа. — Но нельзя забывать о своей мечте. Даже если порой ты уверен, что другие люди и весь мир сильнее тебя. Секрет такой: не сдаваться. — Я никогда не думал быть пророком, — сказал Илия.

— Ты думал. Но был уверен, что это невозможно. Или что это опасно. Или немыслимо. Илия поднялся. — Зачем ты говоришь мне то, чего я не хочу слышать? — воскликнул он.

Движение спугнуло ворона, и он улетел.

Утром ворон прилетел снова. Вместо того чтобы разговаривать с ним, Илия стал наблюдать: птице всегда удавалось найти себе какое-нибудь пропитание и принести Илие остатки еды.

Между ними завязалась своеобразная дружба. Илия учился у птицы. Наблюдая за вороном, он узнал, как можно раздобыть пищу в пустыне, и понял, что сможет прожить еще несколько дней, если будет делать то же самое. Когда ворон начинал кружить в воздухе, Илия уже знал, что там добыча. Он бежал туда и старался схватить ее. Сначала зверьки убегали от него, но со временем Илия научился их ловить. Он пользовался веткой как копьем, рыл ямы-ловушки и прикрывал их тонким слоем сучьев и песка. Когда добыча попадала в западню, Илия делился ею с вороном, а часть откладывал для приманки.

Но одиночество угнетало его, и он снова решил вообразить, что разговаривает с птицей. — Кто ты? — спросил ворон. — Я — человек, который обрел покой, — ответил Илия. — Я могу жить в пустыне, сам заботиться о своем существовании и созерцать вечную красоту творения Бога. Я узнал, что моя душа лучше, чем я думал. Они продолжали охотиться вместе еще один лунный месяц. И вот как-то ночью, когда Илию охватила грусть, он решил снова спросить себя:

— Кто ты?

— Не знаю.

Еще одна луна умерла и вновь родилась на небе. Илия чувствовал, что его тело окрепло, а разум прояснился. В ту ночь он обратился к ворону, сидевшему, как всегда, на своей ветке, и ответил на вопрос, заданный несколькими днями раньше:

— Я — пророк. Я видел ангела, когда трудился в мастерской, и у меня нет сомнений в том, на что я способен, даже если все люди в мире скажут мне, что это не так. Из-за меня начали убивать пророков в моей стране, ведь я пошел против возлюбленной царя. Сейчас я в пустыне, а раньше был в мастерской, ибо сказала мне моя душа, что человек должен пройти через разные испытания, прежде чем сможет исполнить свое предназначение.

— Да, теперь ты знаешь, кто ты, — заметил ворон. В ту ночь, когда Илия вернулся с охоты, он захотел выпить немного воды и вдруг увидел, что река Хораф высохла. Но он чувствовал такую усталость, что решил лечь спать. Во сне к нему явился ангел-хранитель, — Илия давно уже не видел его.

— Ангел Господень говорил с твоей душой, — сказал ангел-хранитель. — И велел:

"Пойди отсюда, и обратись на восток, и скройся у потока Хорафа, что против Иордана. Из этого потока ты будешь пить, а воронам я повелел кормить тебя и там». — Услышала моя душа, — сказал Илия во сне. — Тогда очнись, ибо ангел Господень велит мне удалиться и хочет говорить с тобой сам. Илия испугался и тут же вскочил. Что случилось? Стояла ночь, но все вокруг наполнилось светом, и явился ангел Господень.

— Что привело тебя сюда? — спросил ангел.

— Ты привел меня сюда.

— Нет, тебя заставили бежать Иезавель и ее воины. Никогда не забывай об этом, ибо твое предназначение — защищать Господа Бога твоего.

— Я пророк... Вот ты стоишь предо мною, и я слышу твой голос, — сказал Илия. — Много раз отклонялся я от пути, и так поступают все. Но я готов идти в Самарию и уничтожить Иезавель.

— Ты нашел свой путь, но не сможешь ничего разрушить, пока не научишься строить заново. Повелеваю тебе:

"Встань, и пойдя в Сарепту Сидонскую, и оставайся там;

Я повелел там женщине-вдове кормить тебя». На следующее утро Илия стал искать ворона, чтобы проститься с ним. Впервые с тех пор, как он пришел на берег Хорафа, ворон не прилетел.

Илия был в пути несколько дней, пока не оказался в долине, где находился город Сарепта, именуемый жителями Акбар. Когда его силы были на исходе, он увидел женщину, одетую в черное; она собирала дрова. В долине росли мелкие кустарники, поэтому ей приходилось довольствоваться лишь небольшими сухими ветками.

— Кто ты? — спросил он.

Женщина взглянула на чужеземца, не сразу поняв, что он говорит.

— Принеси мне кувшин воды, — сказал Илия. — Принеси также немного хлеба.

Женщина ничего не сказала, но положила дрова на землю. — Не бойся, — продолжал Илия. — Я один, я измучен голодом и жаждой. Если бы я даже хотел, у меня совсем нет сил кого-нибудь обидеть.

— Ты нездешний, — молвила она наконец. — Судя по твоей речи, ты, верно, из Израильского царства. Если бы ты знал меня получше, то понял бы, что у меня ничего нет. — Ты вдова, так мне сказал Господь. Я беднее тебя. Если ты не дашь мне сейчас еды и питья, я умру. Женщину охватил страх: как мог этот чужеземец знать о ее жизни? — Мужчине должно быть стыдно просить на пропитание у женщины, — сказала она, приходя в себя. — Сделай то, о чем я тебя прошу, пожалуйста, — настойчиво повторил Илия, чувствуя, что силы вот-вот его покинут. — Когда мне станет лучше, я буду трудиться для тебя.

Женщина засмеялась.

— Только что ты сказал мне что-то правдивое: я вдова, потерявшая мужа. Он ушел в плавание и не вернулся. Я в жизни не видела океана, но знаю, что он такой же, как пустыня, — убивает всех, кто идет против него.

И продолжила:

— Теперь же ты говоришь что-то не правдивое. Клянусь богом Ваалом, живущим на вершине Пятой Горы, у меня нет никакой пищи, только горсть муки в кадке и немного масла в кувшине.

Перед глазами Илии все поплыло, и он понял, что сейчас потеряет сознание. Собрав остаток сил, он взмолился:

— Я не знаю, веришь ли ты в сны, и не знаю, верю ли в них я. Но Господь сказал мне, что я приду сюда и встречу тебя. Некоторые события моей жизни не раз заставляли меня усомниться в Его мудрости, но не в Его существовании. Так велел мне Бог Израилев, чтобы я сказал женщине, которую встречу в Сарепте: «...мука в кадке не истощится. и масло в кувшине не убудет до того дня, когда Господь даст дождь на землю». Не объяснив, как может произойти такое чудо, Илия упал без чувств.

Женщина смотрела на упавшего к ее ногам человека. Она знала, что Бог Израилев — всего лишь легенда, финикийские боги могущественнее, они превратили ее страну в одну из самых сильных в мире. Но ей было приятно: обычно она просила милостыню у других, а сегодня — впервые за долгое время — кто-то нуждался в ней. Это придало ей силы: значит, есть люди, которым еще тяжелее, чем ей. «Если меня просят об одолжении, то, выходит, я еще зачем-то нужна на этой земле», — размышляла она. «Я сделаю то, о чем он просит, только бы облегчить его страдания. Я ведь тоже знала голод, и мне известно, как он разрушает душу».

Она отправилась к себе в дом и скоро вернулась с куском хлеба и кувшином воды. Опустившись на колени и приподняв голову чужеземца, она стала смачивать водой его губы. Через несколько минут он пришел в себя. Она протянула ему хлеб, и Илия молча съел его, глядя на долину, ущелья и горы, в тишине устремленные в небо. Он видел красные стены Сарепты,

возвышающиеся над дорогой через долину.

— Не приютишь ли ты меня, ведь я изгнанник на своей земле, — сказал Илия. — Какое злодейство ты совершил? — спросила она.

— Я пророк Господа. Иезавель приказала убивать всех, кто откажется поклоняться финикийским богам. — Сколько тебе лет?

— Двадцать три года, — ответил Илия. Она с жалостью взглянула на юношу, стоявшего перед ней. У него были длинные немытые волосы и жиденькая бородка, будто он хотел выглядеть старше своих лет. Как мог этот несчастный пойти против самой могущественной царицы в мире?

— Если ты — враг Иезавель, ты и мой враг. Она — царица Сидонская, и ее предназначением было выйти замуж за вашего царя и обратить ваш народ в истинную веру. Так говорят те, кто знал ее.

Она указала на одну из горных вершин, обрамлявших долину:

— Наши боги давно живут на вершине Пятой Горы и знают, как хранить мир в нашей стране. Израиль же погряз в войнах и страданиях. Как вы до сих пор можете верить в Единого Бога? Дайте Иезавель время осуществить свой труд, и вы увидите, что и в ваших городах воцарится мир. — Я слышал глас Божий, — ответил Илия. — Вы же никогда не поднимались на вершину Пятой Горы и не знаете, что там. — Тот, кто поднимется на эту гору, погибнет от небесного огня. Боги не любят чужих. Она замолчала. Ей вспомнилось, что в ту ночь она увидела во сне очень яркий свет. Откуда-то из потока света раздавался голос: «Приюти чужеземца, что будет искать тебя».

— Не приютишь ли ты меня, мне негде ночевать, — вновь попросил Илия.

— Я же сказала тебе, что живу бедно. Мне самой едва хватает на себя и сына.

— Господь велел, чтобы ты позволила мне остаться. Он никогда не покинет того, кого любит. Сделай то, о чем я прошу тебя. Я буду служить тебе. Я плотник, умею мастерить из кедрового дерева, недостатка в работе у меня не будет.

Так Господь использует мои руки, чтобы исполнить обещанное:

"...мука в кадке не истощится, и масло в кувшине не убудет до того дня, когда Господь даст дождь на землю». — Даже если бы я хотела, мне нечем платить тебе.

— В этом нет нужды. Господь все даст. В смятении после ночного сна и сознавая, что чужеземец — враг царицы Сидонской, вдова все же решила подчиниться.

Люди в округе вскоре узнали об Илие. Говорили, что вдова поселила в своем доме чужеземца, не считаясь с памятью о муже — герое, погибшем в поисках новых торговых путей для своей страны. Узнав об этих слухах, вдова сразу же объяснила соседям, что речь идет об израильском пророке, умиравшем от голода и жажды. Стало известно, что в городе прячется израильский пророк, бежавший от Иезавели. К верховному жрецу направилась группа людей. — Приведите ко мне этого чужеземца, — велел он. Так и было сделано. В тот же день Илия предстал перед человеком, который вместе с наместником и военачальником управлял всеми делами в Акбаре.

— Зачем ты пришел на эту землю? — спросил он. — Неужели ты не понимаешь, что ты враг нашей страны? — Я несколько лет вел дела с Ливаном, и я уважаю его народ и обычаи. Я здесь, потому что гоним в Израиле. — Я знаю причину, — сказал жрец. — Тебе пришлось бежать из-за женщины?

— Эта женщина — самое прекрасное существо, которое я когда-либо видел в жизни, хотя стоял перед ней всего несколько минут. Но ее сердце сделано из камня, а в глубине зеленых глаз таится враг, который хочет разрушить мою страну. Я не убежал, я жду только подходящего момента, чтобы вернуться.

Жрец рассмеялся.

— Тогда готовься к тому, чтобы провести в Акбаре остаток своей жизни. Мы не воюем с твоей страной; все, что нам нужно, — мирным путем распространить истинную веру по всему свету. Мы не хотим повторять зверства, которые вы совершили, вторгшись в Ханаан.

— Разве убийство пророков — мирный путь? — Обезглавленное чудовище умирает. Умрут немногие, зато войны за веру прекратятся навсегда. Судя по тому, что мне рассказали купцы, был пророк по имени Илия. Он начал все это, а затем сбежал.

Жрец пристально посмотрел на него, прежде чем продолжить:

— Человек, похожий на тебя.

— Это и есть я, — отозвался Илия.

— Прекрасно. Добро пожаловать в город Акбар! Когда нам понадобится что-нибудь от Иезавели, мы заплатим ей твоей головой — лучшего подарка нам и не придумать. А пока поищи себе какое-нибудь занятие и позаботься о своем пропитании, потому что здесь нет места пророкам.

Илия уже был готов идти, когда жрец сказал:

— Похоже, молодая женщина из Сидона оказалась могущественнее, чем твой Единый Бог. Ей удалось построить жертвенник Ваалу, и теперь иудейские священники ползают у ее ног.

— Все случится так, как начертано Богом, — отвечал пророк. — В нашей жизни случаются беды, мы не можем их предотвратить. Но они случаются по какой-то причине. — По какой же причине?

— Это вопрос, на который мы не можем ответить ни до, ни во время невзгод. Только преодолев их, мы понимаем, зачем они были нужны.

Как только Илия ушел, жрец приказал позвать граждан, приходивших к нему в то утро.

— Не беспокойтесь, — сказал жрец. — Обычай велит нам предоставлять кров чужеземцам. Кроме того, здесь он под нашим присмотром, и мы сможем следить за каждым его шагом. Лучший способ узнать и уничтожить врага — это стать его другом». Когда настанет нужный момент, мы отдадим его Иезавели, а наш город получит золото и вознаграждение. Но прежде мы должны узнать, как разрушить его замысел. Пока нам известно только, как уничтожить его самого. Хотя Илия поклонялся Единому Богу и поэтому был врагом царевны, верховный жрец потребовал, чтобы был соблюден закон гостеприимства. Все знали древнее поверье: если не предоставить кров страннику, то такая же участь ожидает когда-нибудь потомков тех, кто пренебрег традицией. Огромный торговый флот страны разбросал по свету детей многих жителей Акбара, поэтому никто не осмелился нарушить древний закон.

Кроме того, недалек был день, когда голову иудейского пророка обменяют на огромные слитки золота. В тот вечер Илия ужинал с вдовой и ее сыном. Поскольку отныне израильский пророк стал ценным товаром, некоторые купцы прислали много еды, которой хватило бы для семьи на целую неделю. — Похоже, Бог Израилев исполняет Свое слово, — сказала вдова. — С тех пор как погиб муж, мой стол никогда не был так полон, как сегодня. Илия потихоньку привыкал к жизни в Сарепте. Он стал называть город Акбаром, как и все его жители. Он познакомился с наместником, военачальником, верховным жрецом и со знаменитыми на всю страну мастерами стекольного дела. Когда его спрашивали, что он здесь делает, он говорил правду: Иезавель убивает всех пророков в Израиле.

— Ты — предатель своей страны и враг Финикии, — говорили ему. — Но мы — торговый народ и знаем, что чем опаснее человек, тем выше цена за его голову. Так прошло несколько месяцев.

У входа в долину расположился лагерь из нескольких ассирийских отрядов. Похоже, они собирались задержаться там на некоторое время. Это была небольшая группа воинов, не

представлявшая особой угрозы. Однако военачальник попросил наместника принять некоторые меры.

— Они не сделали нам ничего плохого, — сказал наместник. — Должно быть, они здесь по торговым делам, ищут более выгодный путь для своих товаров. Если они решат воспользоваться нашими дорогами, то заплатят налоги, и мы станем еще богаче. Зачем же нам ссориться с ними? И вдруг без всякой видимой причины занемог сын вдовы. Люди сочли, что всему виной присутствие в доме чужеземца, и вдова попросила Илию уйти. Но он не ушел, ведь Господь еще не призвал его. Поползли слухи, что чужеземец навлек гнев богов Пятой Горы. Наместник еще как-то мог сдерживать армию и успокаивать людей в их страхах относительно ассирийского вторжения. Но ему становилось все труднее умирять роптавший на Илию народ после того, как сын вдовы заболел.

Несколько жителей Акбара направились к наместнику. — Мы можем построить дом для израильтянина за стенами города, — сказали они. — Так мы не нарушим закон гостеприимства и защитим себя от божественного гнева. Боги недовольны тем, что этот человек здесь. — Оставьте его там, где он живет, — ответил наместник.

— Я не хочу портить отношения с Израилем. — Как же так? — спросили жители. — Ведь Иезавель преследует всех пророков, которые поклоняются Единому Богу, и хочет уничтожить их.

— Наша царица отважна и предана богам Пятой Горы. Но каким бы могуществом она ни обладала сейчас, все же она не израильтянка. Завтра она может впасть в немилость, и на нас обрушится гнев наших соседей. Если мы покажем, что хорошо относимся к их пророку, они будут к нам снисходительны. Жители ушли недовольные, ведь жрец обещал им, что скоро Илию обменяют на золото и вознаграждение. Даже если наместник заблуждался, они ничего не могли поделать. Обычай требовал почитания к наместнику и его семье.

В лагере ассирийцев появлялись все новые шатры. Военачальник был обеспокоен, но он не находил поддержки со стороны жреца и наместника. Он старался держать своих воинов в постоянной боевой готовности, хотя знал, что не только они, но даже их деды не имели опыта настоящих сражений. Войны были далекой историей для Акбара. Новое оружие и боевая техника иноземных государств давно превзошли все известные ему военные премудрости. — Акбар всегда договаривался о мире, — говорил наместник. — И на этот раз никто на нас не нападет. Пусть иноземные государства сражаются друг с другом, у нас есть гораздо более мощное оружие — деньги. Когда они в конце концов истребят друг друга, мы войдем в их города и будем продавать свои товары.

Наместнику удалось успокоить народ насчет ассирийцев. Но ходили слухи о том, что это израильтянин навлек на Акбар гнев богов. Илия становился все более неуютен.

Настал день, когда мальчику вдовы стало совсем плохо.

Он уже не вставал и не узнавал приходивших к нему людей. Перед заходом солнца Илия и вдова опустили на колени рядом с постелью ребенка.

— Господи Всемогущий, ты отвратил стрелы воина и привел меня на эту землю. Спаси же этого ребенка! Он не сделал ничего плохого, неповинен в моих грехах и в грехах своих родителей, спаси его, Господи! Мальчик почти не шевелился, губы его были белы, глаза потухали.

— Молись своему Единому Богу! — просила женщина. — Только мать знает, когда душа ребенка покидает его тело. Илия хотел взять ее за руку, сказать, что она не одинока и что Всемогущий Господь обязательно услышит его. Он — пророк, он смирился со своей участью еще на берегу Хорафа, и сейчас рядом с ним ангелы. — У меня больше нет слез, — продолжала она. — Если у Него нет жалости, если Ему нужна чья-то жизнь, то попроси, чтобы Он забрал

меня, а моему сыну позволил ходить по долине и улицам Акбара.

Илия изо всех сил старался сосредоточиться на молитве, но страдание матери было так велико, что, казалось, наполняло собой комнату и проникало сквозь стены и двери. Он коснулся тела мальчика: жара не было. Это был плохой знак.

В то утро в дом снова пришел жрец и наложил на грудь ребенка компрессы из трав. Уже две недели он приходил к больному мальчику. Женщины Акбара каждый день приносили рецепты известных с давних времен снадобий, чья целебная сила была проверена много раз. Каждый день они собирались у подножия Пятой Горы и приносили жертвы, чтобы душа мальчика не покинула его тело.

Один купец из Египта, ненадолго заехавший в Акбар, так проникся болезнью ребенка, что передал, не прося ничего взамен, очень дорогой красный порошок, который нужно было смешать с едой мальчика. По преданиям, сами боги передали рецепт этого порошка египетским врачевателям. Все это время Илия молился, не переставая.

Но ничто, абсолютно ничто не помогало.

— Я знаю, почему тебе разрешили здесь остаться, — снова заговорила вдова. После бессонных ночей ее голос становился все слабее. — Я знаю, что за твою голову мы получим вознаграждение: когда-нибудь тебя отправят в Израиль, а взамен мы получим золото. Если ты спасешь моего сына, то, клянусь Ваалом и богами Пятой Горы, тебя ни за что на свете не поймут. Я научу тебя, как выбраться из Акбара незамеченным, ведь мне известны старые, давно забытые дороги. Илия ничего не сказал. — Молись своему Единому Богу! — снова потребовала женщина. — Если Он спасет моего сына, то, клянусь, я отрекнусь от Ваала и буду верить в Него. Скажи своему Богу, что я приютила тебя, когда ты нуждался в пристанище, я сделала все в точности, как Он велел.

Илия вновь помолился и воззвал всей душой к Богу. В тот самый миг мальчик вдруг шевельнулся. — Я хочу уйти отсюда, — сказал он слабым голосом.

Глаза у матери заблестели, она заплакала от радости. — Иди, мой мальчик. Пойдем, куда хочешь, делай, что тебе хочется.

Илия хотел было взять его на руки, но мальчик оттолкнул его руку.

— Я хочу уйти один, — сказал он.

Он медленно поднялся и пошел в другую комнату. Сделав несколько шагов, он вдруг упал на пол, словно пораженный молнией.

Илия и вдова бросились к нему: мальчик был мертв. Несколько мгновений они оба не проронили ни слова. Внезапно женщина разразилась истошными воплями:

— Да будут прокляты боги, прокляты те, кто забрал душу моего сына! Будь проклят этот человек, навлекший несчастье на мой дом! О, мой единственный сын! — кричала она. — Из-за того что я исполнила волю небес, дала приют чужеземцу, мой сын умер!

Соседи слышали стенания вдовы и увидели ее сына, лежащего на полу. Женщина продолжала кричать, набрасываясь с кулаками на израильского пророка. Тот, казалось, ничего не воспринимал и не пытался защищаться. Пока женщины старались утешить вдову, мужчины сразу же подхватили Илию под руки и повели к наместнику.

— Этот человек ненавистью отплатил за щедрость к нему. Он опутал злыми чарами дом вдовы, и ее сын умер. Выходит, мы даем пристанище тому, кого прокляли боги.

Израильтянин плакал, спрашивая себя:

— О Господь мой, зачем Ты решил покарать эту вдову, которая была добра ко мне? Раз Ты убил ее сына, значит, я не исполняю Твоих повелений и заслуживаю смерти. В тот же день был созван совет города Акбар во главе с наместником и жрецом. Илию привели на суд. — За любовь ты отплатил ненавистью. Поэтому я приговариваю тебя к смерти, — сказал наместник.

— Хотя его голова стоит мешка золота, мы не должны будить гнев богов Пятой Горы, — заговорил жрец. — И потом, никакое золото в мире не сможет вернуть покой в этот город. Илия опустил голову. Он заслуживает самых страшных мук, какие только возможны, ибо Господь покинул его.

— Ты поднимешься на Пятую Гору, — сказал жрец. — Будешь молить о прощении у разгневанных богов. Они ниспошлют пламя небес, чтобы убить тебя. Если они этого не сделают, значит, они хотят, чтобы правосудие свершилось нашими руками. Мы будем ожидать тебя на склоне горы и завтра же казним согласно обряду.

Илия хорошо представлял себе священную казнь: из груди вырывали сердце и отрубали голову. Согласно поверью, человек без сердца не может войти в рай.

— Почему Ты выбрал меня, Господи? — взывал он громко, хотя знал, что люди вокруг не поймут, какой выбор сделал для него Господь. — Разве Ты не видишь, что я не в силах исполнить Твою волю?

Ответа он не услышал.

Мужчины и женщины Акбара шли следом за воинами, которые вели израильтянина к Пятой Горе. Люди выкрикивали ругательства и бросали камни. Воины с большим трудом сдерживали ярость толпы. Спустя полчаса они подошли к подножию священной горы.

Воины остановились перед жертвенниками из камня, где люди обычно оставляли свои приношения и жертвы, просили и молились. Всем были известны рассказы о гигантах, живущих в этих местах, и все помнили о людях, нарушивших запрет и постигнутых пламенем небес. Путники, проходившие ночью по долине, уверяли, что слышали хохот богов и богинь, пирующих на вершине горы.

Никто не решался бросить вызов богам, даже если не верил этим легендам.

— Иди, — сказал воин, подталкивая Илию наконечником копья. — Тот, кто убил ребенка, заслуживает худшего из наказаний.

Илия ступил на запретную землю и стал подниматься в гору. Через некоторое время, когда до его слуха перестали доноситься вопли жителей Акбара, он сел на камень и заплакал. С того самого дня, когда его мастерская озарилась искрящимися звездочками, он приносил другим только несчастья.

В Израиле больше не поклонялись Единому Богу, поэтому культ финикийских богов должен был теперь окрепнуть. В первую же ночь у реки Хораф Илия решил, что Бог избрал его мучеником, как и многих других пророков. Вместо этого Господь послал ворона, кормившего его до тех пор, пока не высохла река Хораф. Почему именно ворона, предвестника несчастий, а не голубя или ангела? Неужели это лишь бред человека, который хочет скрыть свой страх или слишком долго пробыл на солнце? Теперь Илия ни в чем больше не был уверен: должно быть, Зло нашло свое орудие — и этим орудием был он. Зачем Бог велел ему идти в Акбар, вместо того, чтобы вернуться и расправиться с царицей, принесшей столько зла его народу?

Чувствовал он себя трусом, но делал то, что ему было велено. Старался привыкнуть к этим незнакомым, но в общем добросердечным людям, чья жизнь была так далека от его представлений. Когда он понял, что исполняет предназначение, умер сын вдовы.

— Почему именно я?

Он поднялся, прошел еще немного и наконец вошел в туман, покрывавший вершину горы. Он мог воспользоваться тем, что его никто не видит, и убежать от своих преследователей, но какое это имело значение? У него не было сил бежать, он знал, что никогда не сможет найти свое место в мире. Даже если сейчас ему удастся бежать, он принесет с собой сопутствующее ему проклятие в другой город, на который тоже обрушатся новые беды. Куда бы он ни шел, за ним всюду будет следовать тень умерших. Пусть уж лучше ему вырвут сердце из груди и отрубят

голову. Он снова сел, на этот раз посреди тумана. Он решил подождать немного, чтобы люди внизу подумали, будто он достиг вершины горы. Позже он вернется в Акбар и сдастся преследователям.

"Небесный огонь». Многие погибли от него, хотя Илия сомневался, что его посылает Бог. В безлунные ночи вспышки пламени рассекают небосвод, то появляясь, то исчезая. Возможно, пламя сжигает, а может, убивает сразу и без мучений.

Наступила ночь, и туман рассеялся. Внизу можно было увидеть долину, огни Акбара и костры ассирийского лагеря. Илия услышал лай собак и военную песню ассирийцев. — Я готов, — сказал он себе. — Я считал, что я — пророк и сделал все, что в моих силах... Но у меня ничего не вышло, и сейчас Богу нужен кто-то другой.

В это мгновение на него упал луч света.

— Небесный огонь!

Но луч продолжал светить перед ним. Голос сказал:

— Я — ангел Господень.

Илия упал на колени и коснулся лбом земли. — Я уже видел тебя несколько раз и повиновался тебе, — ответил Илия, не поднимая глаз. — По твоей воле я приношу несчастья всюду, куда ступает моя нога.

Но ангел продолжал:

— Когда ты возвратишься в город, проси три раза, чтобы мальчик вернулся к жизни. Господь услышит тебя на третий раз.

— Ради чего мне это делать?

— Ради величия Бога.

— Даже если все так и произойдет, что с того? Ведь, усомнившись в себе, я больше не достоин своего предназначения, — ответил Илия.

— Каждый человек вправе сомневаться в своем предназначении и время от времени отступать от него. Единственное, чего нельзя делать, — это забывать о нем. Тот, кто не сомневается в себе, — недостойный человек, ибо он слепо верит в свои силы и грешит гордыней. Хвала тому, кто испытывает минуты смятения. — Несколько минут назад ты видел, что я не был уверен даже в том, что ты — посланник Бога.

— Ступай и делай то, что я сказал.

Прошло много времени, прежде чем Илия спустился с горы. На месте, где находились жертвенники, его ожидали стражники, толпа же возвратилась в Акбар. — Я готов умереть, — сказал он. — Я просил прощения у богов Пятой Горы, и теперь они требуют, чтобы, прежде чем моя душа покинет тело, я пошел в дом приютившей меня вдовы и просил ее сжалиться над моей душой. Воины привели его обратно в город и предстали перед жрецом. Они передали ему то, о чем просил израильтянин. — Я сделаю то, о чем ты просишь, — сказал жрец пленнику. — Раз уж ты попросил прощения у богов, то должен просить и у вдовы. С тобой пойдут четыре вооруженных воина, чтобы ты не убежал. Но не думай, что тебе удастся убедить ее и она будет просить о помиловании. Как только взойдет солнце, мы казним тебя посреди площади. Жрецу хотелось спросить, что же увидел Илия на вершине горы. Но он был окружен воинами, и ответ мог поставить его в неловкое положение. Поэтому он решил молчать, но обрадовался тому, что Илия станет при всех просить прощения. Никто не усомнится больше в могуществе богов Пятой Горы. Илия и воины пришли на бедную улочку, где он прожил несколько месяцев. В доме вдовы были открыты окна и дверь, чтобы, согласно поверью, душа ее сына могла уйти и поселиться вместе с богами. Тело мальчика лежало посередине комнаты, вокруг него собрались все соседи. Заметив израильтянина, мужчины и женщины пришли в ужас.

— Уведите его отсюда! — закричали они воинам. — Вам что, мало того зла, которое он уже

принес? Он так мерзок, что боги Пятой Горы даже не захотели марать руки его кровью.

— Нам выпало убить его! — закричал кто-то другой. — И мы это сделаем сейчас, не дожидаясь ритуальной казни! Получив удары и пощечины, Илия высвободился из державших его рук и подбежал к вдове, плачущей в углу дома. — Я могу вернуть его из царства мертвых. Позволь мне коснуться твоего сына, — сказал он. — Только на один миг. Вдова даже не подняла головы. — Пожалуйста, — настаивал он. — Сделай для меня последнее в этой жизни — дай мне возможность попытаться отблагодарить тебя за твою щедрость.

Несколько мужчин попытались оттащить его. Но Илия бился и сопротивлялся изо всех сил, умоляя, чтобы ему разрешили коснуться тела мертвого ребенка. Несмотря на молодость и смелость Илии, его в конце концов оттеснили к двери дома.

— Ангел Господень, где ты? — закричал он, взывая к небесам.

В это мгновение все замерли. Вдова поднялась и направилась прямо к нему. Взяв Илию за руку, она отвела его туда, где лежало тело ее сына, и сняла с него саван. — Вот кровь от крови моей, — сказала она. — Пусть болезнь поразит всех твоих родных, если ты не сделаешь того, что обещал.

Он приблизился, чтобы коснуться мальчика. — Подожди, — сказала вдова. — Сначала проси своего Бога, чтобы исполнилось мое проклятие. Сердце Илии разрывалось. Но он верил в то, что сказал ангел.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Купить книгу](#)